

Т. Н. Лаптева

Кто есть кто в академическом НИИ: образ научного учреждения в последние десятилетия советской власти (1963–1991 гг.)

В историографии и общественном мнении можно встретить убеждение, что причина скромного сегодня положения российской науки в мире обусловлена ее системой управления. Иностранцы коллеги утверждают, что эта система была громоздкой и создавала непригодные условия для свободного научного поиска. Именно этим они склонны объяснять отставание СССР в приоритетных областях, ставшее очевидным к середине 1980-х гг., а научные успехи Советского государства приписывают случайному везению¹. Российские авторы выражают уверенность, что причина сложившегося положения в том, что «научная бюрократия» заботилась в первую очередь о самосохранении и самообеспечении, а не о росте самостоятельности, способности к экспертизе и самокритике ученых².

Кто бы ни управлял наукой — министерство, федеральное агентство, академия, государственный комитет или научные фонды, — сам процесс поиска научной истины происходит в научном коллективе. Обобщенному образу ученого посвящены как исторические, так и социологические, историко-психологические, статистические, искусствоведческие и литературоведческие исследования³, но образ научного коллектива, научного учреждения сегодня известен исключительно благодаря художественной литературе и кинематографу и не базируется на исторических документах, в то время как без достоверных сведений невозможно сделать аргументированный вывод об эффективности управления наукой в СССР.

**Лаптева Татьяна
Николаевна**

канд. ист. наук, учен.
секретарь, Архив
Российской академии
наук;
ст. преп.,
Православный
Свято-Тихоновский
гуманитарный
университет (Москва,
Россия)

Создание образа академического научного института как самостоятельной действующей исследовательской единицы последних десятилетий Советского государства через определение функций каждой категории его работников составляет цель настоящей статьи.

Первым лицом института был директор. Устав 1963 г., введение которого взято за нижнюю хронологическую точку исследования, поставил его в существенно более зависимое от Президиума Академии положение, чем это было прежде. Директор назначался на должность на четыре года, занятию поста предшествовали процедуры его избрания в профильном академическом Отделении, одобрения кандидатуры Президиумом Академии и утверждения на Общем собрании. В отличие от предшествующих уставов⁴, версия 1963 г. не упоминала о желательности избрания директоров из числа академиков или членов-корреспондентов, а ограничивалась указанием, что это должен быть крупный ученый, причем даже без оговорки, что именно в той области, в которой работает институт⁵. В результате этого избрание на директорский пост лиц без академического звания получило столь широкое распространение, что Президиум АН СССР в 1991 г. был вынужден специальным постановлением рекомендовать Отделениям и научным центрам проводить выборы директоров преимущественно из числа членов Академии⁶. Полномочия директора могли быть прекращены Президиумом в любой момент⁷. Кандидатура утверждалась и освобождалась от этой должности только после санкции ЦК КПСС⁸. Обычной была практика занятия этого поста одним из заместителей предшествовавшего главы института по науке.

Директор традиционно был признанным научным авторитетом, но его должностная инструкция содержала указания только на административные полномочия. По мнению советских науковедов, директор должен был быть и научным лидером — генератором передовых научных идей, и полномочным представителем государства, управлять на правах единоначалия и нести полную ответственность за результаты⁹, что в учреждении со множеством узких специализаций, каковым был академический НИИ, было практически невозможно. Эту дилемму призван был решить ученый совет — совещательный орган при директоре, в котором он председательствовал. В состав ученого совета входили заместители по научной части, ученый секретарь, ведущие ученые, руководители профсоюзной и партийной организаций, авторитетные исследователи из других НИИ.

Ученый совет был высшим экспертным органом института. Он обсуждал научные направления, принимал решения о представлении ученых к государственным и академическим наградам, рассматривал вопросы структуры и кадров¹⁰.

В изучаемые годы высказывалось множество мнений о распределении научной лидерской роли и административных полномочий между директорами и советами, о балансе научных и административных полномочий, необходимой степени вовлеченности главы института в научную жизнь. Высказывались даже убеждения, что чем меньше директор вмешивается в работу, тем лучше, поскольку хорошо работающее учреждение в постоянном присутствии

руководителя не нуждается¹¹. Часто директоров действительно редко можно было застать на месте: они находились то в экспедициях, то в зарубежных командировках. Особенный размах это явление приобрело в годы перестройки¹².

К концу советского периода в связи с демократизацией и ростом активности научных коллективов созрело сознание, что кандидатура директора должна быть одобрена сотрудниками, что и было зафиксировано в постановлении Президиума АН СССР от 17 ноября 1987 г.¹³ Перед избранием директора должно было быть организовано собрание коллектива для проведения предварительного тайного голосования по кандидатурам, отражавшего рейтинг поддержки кандидатов в НИИ. Результаты этого рейтингового голосования передавались в профильное Отделение и должны были быть изучены перед настоящей процедурой выборов. Для допуска к настоящим выборам кандидатам требовалось набрать на голосовании в своем НИИ не менее половины голосов присутствующих¹⁴. Эта норма вошла в Устав 1992 г. — уже Российской академии наук¹⁵.

Границы власти директоров научно-исследовательских учреждений получали от современников противоречивые оценки. Сразу несколько мнений можно встретить в документах Отделения истории, где сохранились не только протоколы, но и стенограммы заседаний, дословно воспроизводящие высказывания участников. Одни видели в академических институтах реализацию режима абсолютной власти директора, ограниченную лишь его способностью выслушивать и принимать чужие мнения¹⁶. Высказывалось убеждение, что «директора привыкли быть администраторами и с легкостью судят часто по тем направлениям, которые оказываются в поле [их] административного зрения. Кроме того, у директоров абсолютная власть, и Перестройка здесь ничего не изменила»¹⁷. Противоположное мнение состояло в том, что директор лишь в небольшой степени имел влияние на работу института и фактическая власть принадлежала сотрудникам. Глава Отделения истории И. Д. Ковальченко полагал, что «в какой-то мере директора — заложники наших коллективов»¹⁸, и даже предлагал ученым «встряхнуть директоров».

В случае конфликта ученых с директором отстаивать свою позицию они могли, обратившись в профильное Отделение или Президиум Академии, в региональные партийные органы или прокуратуру. Происходило такое редко¹⁹, но жалобы рассматривались в каждой из названных инстанций с полной серьезностью, для чего организовывались комиссии, проводилось расследование; известны случаи неоднократных разбирательств по одним и тем же претензиям²⁰.

При наличии академического звания директор после завершения работы в должности имел возможность занять пост почетного директора или советника при институте, что гарантировало его высокое положение и дополнительный доход²¹.

Ближайшими помощниками директора были заместитель по научной работе и ученый секретарь. Первый гарантировал высокий уровень исследований НИИ; круг его административных полномочий охватывал практически все вопросы за исключением технических. При этом он был действующим ученым,

разрабатывал собственную научную тему²². Заместитель по науке избирался профильным академическим Отделением и утверждался Президиумом²³, с 1987 г. он должен был получить предварительное одобрение ученого совета своего института²⁴.

Ученому секретарю должностная инструкция не предписывала проведения собственных исследований, зато возлагала обязанности по организации практически всей жизни учреждения: составлению планов и отчетов, организации обсуждений, конференций, ученых советов, защит диссертаций, присвоению ученых званий, координации сотрудничества с другими научно-исследовательскими учреждениями²⁵. Он же руководил деятельностью канцелярии, библиотеки и архива.

Административные обязанности занимали преимущественную часть рабочего времени директора, его заместителя и ученого секретаря. Согласно социологическому исследованию, проведенному в ленинградских институтах АН СССР в 1975–1988 гг., каждый из них тратил на исследовательскую работу в среднем по 2,9 ч в день²⁶.

Проведение исследований было основной задачей научного коллектива, который к началу рассматриваемого периода состоял из старших и младших научных сотрудников.

Старшие научные сотрудники являлись главной творческой силой научного учреждения. Они были руководителями работ, принимающими принципиальные решения по научным темам, или ответственными исполнителями, выполняющими наиболее сложные и ответственные задания. Старшие научные сотрудники, руководящие темами, сами определяли их цели и задачи, разрабатывали методы, координировали действия исполнителей и обязательно участвовали в исследовании лично. В ходе работы они собирали, обобщали и анализировали данные, готовили конечный продукт — научные статьи и монографии, несли ответственность за научную точность результатов и правильность выводов²⁷. Они должны были знать о самых передовых научных результатах в своей области, на ученых в прикладных науках возлагалась обязанность способствовать внедрению результатов разработок в производство. Указания на формальное подчинение старшего научного сотрудника кому-либо или на необходимость координировать свои работы с руководством в его должностной инструкции отсутствовали. Единственным ограничением свободы творчества ученого являлась тематика сектора или лаборатории.

В 1972 г. Академия предприняла попытку ограничить роль руководителя темы, для чего в типовой устав НИИ было внесено указание, что «все плановые задания доводятся до института только Президиумом АН СССР»²⁸, но независимость ученых в выборе проблематики продолжала расти. Администрация редко закрывала направления своим решением, в случае несогласия сотрудники могли жаловаться в профильное Отделение. Академик И. Д. Ковальченко невозможность управлять тематикой научных работ называл индивидуальным диктатом ученых²⁹.

Должностной оклад старших научных сотрудников соответствовал тринадцатому — пятнадцатому разрядам по тарифной сетке. До 1986 г. это была

высшая должность, которую мог занять ученый, не переходя на административную работу. Для ее замещения соискатель должен был иметь степень кандидата или доктора наук; но поскольку должность занималась по конкурсу, в отдельных случаях на нее могли быть приняты исследователи без степени.

В 1986 г. для докторов наук были введены две дополнительные должностные позиции — ведущего и главного научных сотрудников. Первые должны были в дополнение к прежним работам готовить обоснования новых научных направлений. Их труд оплачивался по более высокому тарифному разряду — пятнадцатому или шестнадцатому³⁰. В первые годы после введения должности на нее переводили старших научных сотрудников после успешной очередной аттестации.

Главные научные сотрудники, продолжая вести собственные исследования, должны были предлагать передовые идеи и проводить экспертизу выдвигаемых проектов. Их заработная плата начислялась по шестнадцатому или семнадцатому — самому высшему — разряду³¹. Выборочное изучение личных дел сотрудников свидетельствует, что в течение первых трех лет после введения новой должности по результатам аттестации половину мест смогли занять рядовые старшие научные сотрудники, вторую половину — оставившие свой пост руководители подразделений³².

С 1970 г. доктор наук после выхода на пенсию мог быть принят на должность старшего научного сотрудника-консультанта, основная задача которого состояла в передаче опыта молодым научным кадрам³³. Консультантам запрещалось занимать административные должности и работать по совместительству, в институт можно было приходить один раз в неделю. Как правило, этот пост занимали ученые, имевшие опыт руководящей работы³⁴. Средний возраст назначения составлял 70–73 года, занимали эту позицию до окончательного ухода на пенсию или до кончины.

Перевод докторов наук на ставку консультанта был одной из мер социальной поддержки, подъема престижа научной профессии, мотивации к повышению квалификации. На кандидатов наук такая мера не могла быть распространена в связи с их многочисленностью при ограниченном бюджете³⁵.

Младший научный сотрудник решал локальные теоретические вопросы крупного научного проекта. Поскольку он не отвечал за разработку темы, на него формально не возлагалась обязанность писать научные статьи. Должностные инструкции закрепляли подчиненность младшего научного сотрудника не руководителю сектора, в составе которого он работал, а руководителю темы его исследования, т. е. старшему научному сотруднику³⁶.

На эту должность мог быть принят специалист с ученой степенью кандидата наук или без нее, но с высшим образованием и опытом работы по специальности не менее двух лет. По тарифной сетке его должностной оклад относился к девятому — одиннадцатому разрядам. Должности младших научных сотрудников могли долгое время занимать ученые, способные вести самостоятельные проекты. Известны случаи, когда эту позицию занимали кандидаты наук, работающие над докторской диссертацией³⁷.

Временно младший научный сотрудник мог исполнять обязанности руководителя проекта, начальника экспедиции или отряда. В этом случае он должен был заранее представить заведующему сектором полный план работ и строго его придерживаться, подготовить результаты исследования к публикации³⁸.

Академия старалась создать ученым самые благоприятные условия для работы, освобождая их от любых обязанностей, кроме завершения исследований в срок. Даже за эксплуатацию оборудования отвечали не научные сотрудники, а лаборанты. Параграфы «права», «обязанности» и «ответственность» попросту отсутствовали в должностных инструкциях ученых³⁹. Тем не менее уделять профильным занятиям полный рабочий день им не удавалось. Согласно данным Э. М. Сидоровой, только 10% ученых Ленинграда вели исследования по 8 ч ежедневно. В среднем младший научный сотрудник уделял научному процессу 4,6 ч в день, старший — 4,5 ч⁴⁰.

Специфика профессии, а именно — отсутствие четких критериев оценивания, приводила к тому, что не всегда научные должности занимали люди достойные и способные. В штатах институтов кроме действительных служителей науки имелись конъюнктурщики, люди скромных научных дарований и просто лентяи. В 1980-е гг. недобросовестные ученые пользовались возможностью выполнять хоздоговорные исследования и писать гонорарные книги в ущерб плановым темам. Глава Отделения истории говорил об этом прямо: «Все мы хорошо знаем, и, когда идет разговор неофициально, все мы говорим, что наши институты раздуты по численности своих штатов, что в институтах много людей, которые либо не способны заниматься наукой, либо, в силу существующей ситуации, могут не заниматься наукой»⁴¹. Такое положение складывалось в течение десятилетий, но руководители НИИ не решались его менять⁴².

Другую группу малорезультативных работников руководители АН СССР видели в заслуженных пожилых ученых, которые, по словам президента Академии Г. И. Марчука, остаются в штате «из жалости: они вырастили многих, и ученики не позволяют отправить их на пенсию»⁴³.

Связь научного коллектива с администрацией осуществляли руководители подразделений. Они избирались из числа старших научных сотрудников сроком на пять лет. Обычно после двух-трех сроков руководитель передавал свои полномочия новому начальнику и продолжал работу на рядовой должности⁴⁴.

Задачи заведующего сектором, лабораторией или отделом были административными: координация работы подразделения, наблюдение за исполнением правил внутреннего распорядка, организация экспедиций и хоздоговорных исследований⁴⁵. Заведующий не имел права научного руководства, в его прямом подчинении находился только вспомогательный персонал⁴⁶. Квалификационные требования для занятия должности не были очень высокими: это мог быть как доктор наук, так и специалист без степени, но с высшим образованием и опытом исследовательской работы. Достижения работника влияли только на разряд тарифной сетки, по которому ему начислялась заработная плата: от двенадцатого до шестнадцатого разряда⁴⁷.

Давняя академическая традиция избавлять ученых от обременительной механической работы в 1970-е гг. была обоснована с экономических позиций.

Науковеды утверждали: «Если работа, которую с успехом может выполнить вспомогательный сотрудник, из-за его отсутствия должен выполнять высококвалифицированный специалист, то это не только неразумное расходование огромных денежных средств, но ничем не оправданная и невозполнимая растрата самого ценного для общества капитала науки — труда и времени ученых»⁴⁸. Без вспомогательного персонала не мыслилась эффективная работа даже в гуманитарных областях знания.

Научно-вспомогательный персонал института составляли инженеры, лаборанты, научно-технические сотрудники, техники и др. Наименования должностей, распределение обязанностей, степень вовлеченности в исследовательский процесс и квалификация варьировались в разных областях науки и институтах. Это могли быть специалисты в области графики, чертёжа, рисунка, фото- и кинодела, музейно-реставрационной работы, со среднеспециальным (для технических сотрудников) или высшим (для старших технических сотрудников) образованием. Во многих учреждениях имелись специфические вспомогательные подразделения, такие как фотокабинет, кабинет художников, мастерская, опытное производство, научный архив и др.

Вспомогательные сотрудники принимали участие как в экспедиционных, так и в лабораторных работах, учитывая, описывая и систематизируя материалы, фиксируя результаты анализов и показания приборов, ведя полевую документацию, налаживая оборудование, снабжая лабораторию реактивами, перепечатывая и вычитывая тексты, изготавливая макеты и опытные модели. Они руководствовались общим планом работы лаборатории или сектора и текущими заданиями его руководителя. Во время полевых работ и экспедиций потребность в таких работниках возрастала, в связи с чем их число в штатной численности увеличивалось.

Нередко научно-технические сотрудники привлекались к исследовательскому процессу и написанию коллективных научных трудов. В результате иногда силами инженеров и лаборантов производилась основная работа, а руководителю темы оставалось лишь поставить свою подпись под итоговой статьей⁴⁹.

Вспомогательные сотрудники, не имея права входить в ученый совет по должности, могли влиять на ход дел в институте, вступая в профсоюзную и партийную организации. Такой путь укрепления своего положения был весьма эффективным, что иногда даже вызывало раздражение научной половины коллектива. В конце советской эпохи можно было услышать жалобы, что «порой наши институты становятся стихией в руках именно сотрудников Академии — лаборантов, которые сейчас заполнили профкомы и другие наши организации, и других сотрудников, которые порой диктуют ученым свои, так сказать, права»⁵⁰.

Количественное соотношение научных и ненаучных сотрудников в институтах разного профиля было неодинаковым. Наибольшее число вспомогательного персонала было в НИИ физико-технической сферы: по данным 1970 г., научные сотрудники там составляли всего 26,3 % от общего числа штатных единиц, в сфере общественных наук исследователи занимали 63 % всех ставок учреждения⁵¹. Но количество вспомогательного персонала ощущалось как

недостаточное во всех областях знания, а имеющиеся работники были очень загружены. По словам академика Б. А. Рыбакова, «пропорция лаборантов и научных сотрудников у нас совершенно не такая, какая нужна для продуктивной работы. Мы же иногда сами стесняемся поручать какую-то работу лаборантам»⁵².

Дистанцию между рангами в научных коллективах можно показать с помощью распределения заработной платы. На действительный доход влияли многие факторы, но в рамках определения статусов целесообразно привести размеры должностных окладов без дополнительных выплат (таблица).

Оклады сотрудников академических научно-исследовательских институтов, действующие с 1970 г. (руб.) *

Должность	Категория научного института		
	I	II	III
Директор	270–300	230–270	200–230
Заместитель директора по научной работе	250–280	210–250	180–210
Ученый секретарь	160–180	140–160	130–140
Заведующий научно-исследовательским отделом или лабораторией	220–250	190–220	170–190
Для сотрудников научных учреждений АН СССР вне зависимости от категории			
Старший научный сотрудник	145–160		
Высококвалифицированный механик, модельщик, макетчик, стеклодув	120–150		
Младший научный сотрудник	105–135		
Инженер, художник	100–120		
Старший лаборант с высшим образованием	85–100		
Лаборант, техник	70–80		
Препаратор	65–70		

Составлено по: Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901725757> (дата обращения: 14.01.2022).

* Оклады, утвержденные Постановлением Совета Министров СССР № 972 от 24 декабря 1969 г.

Понятие коллектива НИИ претерпело в последние десятилетия советской власти существенную трансформацию в сторону признания сотрудников институтов основными деятелями науки. Согласно единому уставу академического НИИ 1964 г., исследования и пропаганду научных знаний вел сам институт,

сотрудники же упоминались как объект его управления и заботы⁵³. Устав 1972 г. впервые выделил результаты личного труда ученого из общих итогов работы учреждения⁵⁴, и лишь последний устав советского времени признал право ученых на защиту их интересов и приоритета, а также впервые ввел термин «научный коллектив»⁵⁵. Более подробно состав, права и обязанности коллектива были оговорены в нормативных документах уже в постсоветское время.

Можно констатировать, что академический НИИ создавал благоприятные условия для свободного научного поиска. Научные сотрудники — руководители проектов — были главной действующей силой института и обладали существенной долей независимости, их роль и статус в Академии в течение 1960–1980-х гг. укреплялись. Администрация скорее обеспечивала их работу, чем управляла ими. Руководитель темы и его непосредственный начальник по положению были приблизительно равны, права вмешиваться в индивидуальный исследовательский процесс в институте не имел никто. Исследователи могли пользоваться содействием высококвалифицированного вспомогательного персонала, были избавлены от механической работы и должны были заниматься только наукой. При этом уволить безрезультативных сотрудников или заставить их работать лучше было трудно, подчас невозможно.

Описанная система распределения обязанностей в академическом НИИ с некоторой вариабельностью просуществовала до 2000-х гг. и в главных чертах сохраняется до сих пор.

¹ *Schneider C. M.* Research and Development Management: From the Soviet Union to Russia. Heidelberg, 1994.

² *Кирский Э.* Параллельные миры // Отечественные записки. 2002. № 7. С. 143–148.

³ *Аллахвердян А. Г., Агамова Н. С.* Наука СССР: науковедение и динамика научных кадров в послевоенные десятилетия (1950–1980-е гг.) // Историческое место советского общества: материалы Всерос. науч. конф. Москва, 6 ноября 2016 г. / под общ. ред. А. Б. Анащенко. М., 2016. С. 47–53; *Аллахвердян А. Г.* Динамика научных кадров в советской и российской науке: сравнительно-историческое исследование. М., 2014; *Ан А. В.* От описания к представлению (изменение принципов языкового конструирования образа ученого-филолога в русской прозе рубежа XX–XXI вв.) // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2010. № 4. С. 81–86; *Денисов Ю. П., Кныш Н. А.* Образ исторической науки (на материалах анализа газеты «Наука и жизнь») // Омский научный вестник. 2009. № 1 (75). С. 5–9; *Еремеева А. Н.* Российские ученые в условиях социально-политических трансформаций XX века. Курс лекций. СПб., 2006; *Петров М. К.* Образы науки и ученого в общественном сознании // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 13. № 3. С. 222–237; *Юревич А. В.* Умные, но бедные: ученые в современной России. М., 1998.

⁴ Устав Академии наук Союза Советских Социалистических республик 1927 г. Разд. VII. Ст. 54; Устав 1930 г. Разд. VII. Ст. 52; Устав 1959 г. Разд. X. Ст. 64 и др. // Уставы Российской академии наук. 1924–1999. М.: Наука, 1999. С. 143, 156, 185.

⁵ Устав Академии наук Союза Советских Социалистических республик 1963 г. Разд. XI. Ст. 72. // Уставы Российской академии наук. 1924–1999. М.: Наука, 1999. С. 208.

⁶ Постановление Президиума АН СССР № 127 от 23 апреля 1991 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1681. Л. 42.

⁷ Устав Академии наук Союза Советских Социалистических республик 1963 г. Раздел X. Ст. 44, 69.

⁸ Такой вывод позволило сделать выборочное изучение личных дел директоров академических научных институтов (Архив РАН. Ф. 411).

- ⁹ Научно-техническая революция и изменение структуры научных кадров СССР / под ред. Д. М. Гвишиани, С. Р. Микулинского, С. А. Кугеля. М., 1973. С. 42.
- ¹⁰ Уставы Научно-исследовательских институтов Академии наук СССР 1964, 1968, 1972 гг. // Архив РАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 306, 757; Оп. 11. Д. 259.
- ¹¹ Из выступления А. П. Деревянко на заседании Общего собрания Отделения истории АН СССР 16 декабря 1991 г. // Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 812. Л. 56.
- ¹² Из выступления П. В. Волобуева. Стенограмма заседания Общего собрания Отделения истории АН СССР 16 декабря 1991 г. // Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 812. Л. 41–42.
- ¹³ Постановление Президиума АН СССР № 980 от 17 ноября 1987 г. «О порядке замещения руководящих должностей в научно-исследовательских институтах Академии наук СССР» // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1339. Л. 13–15.
- ¹⁴ Стенограмма заседания Президиума АН СССР 17 ноября 1987 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1339. Л. 162–179.
- ¹⁵ Устав Российской академии наук 1992 г. Разд. VI. Ст. 54.
- ¹⁶ Из выступления А. Н. Сахарова. Стенограмма заседания Общего собрания Отделения истории РАН 16 декабря 1991 г. // Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 812. Л. 68–69.
- ¹⁷ Из выступления П. В. Волобуева... Л. 41.
- ¹⁸ Из выступления И. Д. Ковальченко // Стенограмма заседания Общего собрания Отделения истории АН СССР 8 октября 1991 г. // Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 811. Л. 107–108.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Документы о разбирательствах по жалобам Г. Н. Алексеева на директора Института истории естествознания и техники С. Р. Микулинского // Архив РАН. Ф. 2191. Оп. 1. Д. 69, 70, 73, 76, 79, 84, 85.
- ²¹ Стенограмма заседания Президиума АН СССР 14 мая 1991 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1682. Л. 183.
- ²² Должностные инструкции заместителя директора Института археологии АН СССР по научной работе. 1979 // Архив РАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 1268. Л. 2.
- ²³ Устав Академии наук Союза Советских Социалистических республик 1963 г. Раздел VI. Ст. 44.
- ²⁴ Стенограмма заседания Президиума АН СССР 17 ноября 1987 г... Л. 171.
- ²⁵ Должностные инструкции Ученого секретаря Институтов этнографии и археологии АН СССР (1979, 1980 гг.) // Архив РАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 507. Л. 4–5; Ф. 1909. Оп. 1. Д. 1268. Л. 3.
- ²⁶ *Сидорова Э. М.* Интеллектуальный рост и социальный статус ученого // Научные кадры СССР: динамика и структура. М., 1991. С. 173.
- ²⁷ Должностная инструкция старшего научного сотрудника Института археологии АН СССР. 1985 г. // Архив РАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 1404. Л. 3.
- ²⁸ Устав Научно-исследовательского института Академии наук СССР 1972 г. Разд. III. Ст. 21 // Архив РАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 259.
- ²⁹ Стенограмма заседания Общего собрания Отделения истории АН СССР 19 марта 1990 г. // Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 802. Л. 141.
- ³⁰ Должностная инструкция ведущего научного сотрудника Института оптико-нейронных исследований РАН // Архив РАН. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 61. Л. 16–17.
- ³¹ Там же.
- ³² Личные дела сотрудников АН СССР // Архив РАН. Ф. 411.
- ³³ Положение о старших научных сотрудниках-консультантах Института археологии АН СССР. 1984 г. // Архив РАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 1376. Л. 1.
- ³⁴ Личные дела сотрудников АН СССР...
- ³⁵ Стенограмма заседания Президиума АН СССР 14 мая 1991 г... Л. 183.
- ³⁶ Должностная инструкция младшего научного сотрудника Института археологии АН СССР. 1985 г. // Архив РАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 1404. Л. 4.
- ³⁷ *Сидорова Э. М.* Интеллектуальный рост и социальный статус ученого. С. 174.
- ³⁸ Должностная инструкция младшего научного сотрудника сектора охранных раскопок Отдела Археологической службы Института археологии. 1984 г. // Архив РАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 1404. Л. 18–19.

- ³⁹ Должностные инструкции научных сотрудников Институтов археологии и оптико-нейронных исследований // Архив РАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 1404; Ф. 2227. Оп. 1. Д. 61.
- ⁴⁰ Сидорова Э.М. Интеллектуальный рост и социальный статус ученого. С. 173.
- ⁴¹ Из выступления И.Д. Ковальченко. Стенограмма заседания Общего собрания Отделения истории РАН 6 апреля 1992 г. // Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 818. Л. 19.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Стенограмма заседания Президиума АН СССР 14 мая 1991 г... Л. 183.
- ⁴⁴ Личные дела сотрудников Академии наук СССР.
- ⁴⁵ Должностные инструкции заведующих отделами охранных раскопок, полевых исследований Института археологии АН СССР. 1989 г. // Архив РАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 1550. Л. 1–6.
- ⁴⁶ Должностные инструкции старшего и младшего научных сотрудников, старшего лаборанта Института Археологии АН СССР. 1985 г. // Архив РАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 1404. Л. 3–8.
- ⁴⁷ Должностная инструкция заведующего (начальника) научно-исследовательским отделом (отделением, лабораторией) Института оптико-нейронных исследований РАН // Архив РАН. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 61. Л. 23–25.
- ⁴⁸ Научно-техническая революция и изменение структуры научных кадров СССР. С. 19.
- ⁴⁹ Из выступления Б.А. Рыбакова. Стенограмма заседания годовичного Общего собрания Отделения истории АН СССР 19 марта 1990 г... Л. 64.
- ⁵⁰ Стенограмма заседания Общего собрания Отделения истории РАН 16 декабря 1991 г. // Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 812. Л. 67.
- ⁵¹ Научно-техническая революция и изменение структуры научных кадров СССР. С. 32.
- ⁵² Стенограмма заседания годовичного Общего собрания Отделения истории АН СССР 19 марта 1990 г... Л. 64–65.
- ⁵³ Уставы Научно-исследовательских институтов Академии наук СССР 1964, 1968 гг. // Архив РАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 306, 757.
- ⁵⁴ Устав Научно-исследовательского института Академии наук СССР 1972 г. Разд. II. Ст. 15 // Архив РАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 259. Л. 5.
- ⁵⁵ Временный устав Научно-исследовательского института Академии наук СССР 1987 г. Разд. I. Ст. 4; Разд. II. Ст. 6.12 // Архив РАН. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 2. Л. 14–24.

Статья поступила в редакцию 19 июля 2020 г.
Рекомендована к печати 6 сентября 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Лаптева Т. Н. Кто есть кто в академическом НИИ: образ научного учреждения в последние десятилетия советской власти (1963–1991 гг.) // *Новейшая история России.* 2021. Т. 11, № 4. С. 994–1006. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.410>
УДК 93/94:001.89

Аннотация: В статье поставлена задача создать образ академического научного института как самостоятельной действующей единицы советской научной системы в период с первой половины 1960-х гг. до конца советской эпохи. Это время постепенного спада научных достижений СССР после оглушительных успехов 1950-х гг., в эти же годы резко снижаются темпы роста численности ученых, меняется понимание их роли в институтах АН СССР. С привлечением широкого круга архивных документов, часть которых впервые задействована в историческом исследовании, описываются функции каждой категории работников НИИ, их квалификация, границы полномочий и способы укрепления своего положения как факторы, влияющие на эффективность исследовательской деятельности института. Приводятся оценки современников — членов академического сообщества, даваемые отдельным социальным группам коллективов НИИ. Формулируется вывод, что академический НИИ создавал благоприятные условия для свободного научного поиска за счет организации системы должностей. Исследователи могли пользоваться содействием высококвалифицированного вспомогательного персонала, были

избавлены от механического труда, ответственности за технические процессы и должны были заниматься только наукой. Руководители исследовательских тем, являясь главной творческой силой института, обладали существенной долей независимости от администрации. Формальный статус научных сотрудников в Академии в течение 1960–1980-х гг. стабильно укреплялся, достигнув к концу советской эпохи уровня, который давал им право влиять на избрание директора учреждения общим собранием коллектива, чему способствовали также процессы демократизации конца 1980-х гг. Невозможность административного вмешательства в индивидуальный исследовательский процесс приводила как к активному развитию оригинальных разработок, так и к затруднительности исключения из штата безрезультативных сотрудников — и таким образом снижала эффективность работы советских научных институтов.

Ключевые слова: наука, ученые, научный коллектив, научно-исследовательский институт, Академия наук, СССР.

Сведения об авторе: Лаптева Т. Н. — канд. ист. наук, учен. секретарь, Архив Российской академии наук; ст. преп., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва, Россия); lapti-stv@yandex.ru

Архив Российской академии наук, Россия, 117218, Москва, ул. Новочеремушкинская, 34

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия, 115184, Москва, ул. Новокузнецкая, 23Б

FOR CITATION

Lapteva T. N. 'Who is Who in an Academic Research Institute: The Image of a Scientific Institution in the Last Decades of Soviet Power (1963–1991)', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 4, 2021, pp. 994–1006. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.410> (In Russian)

Abstract: The article aims to provide an account of an academic scientific institute as an independent functioning unit of the Soviet scientific system from the first half of the 1960s until the end of the Soviet era. This was a time of gradual decline of scientific achievements of the USSR after resounding successes in the 1950s. During these years, the growth rate of the number of scientists sharply decreased, and the understanding of their role in the institutions of the USSR Academy of Sciences changed. Using a wide range of archival documents, some used for the first time, the functions of each category of research institute employees, their qualifications, boundaries of authority, and ways to strengthen their position are described as factors that affect the effectiveness of research activities of the institute. Estimates of contemporaries — members of the academic community, given to certain social groups of research institute collectives — are provided. The academic research institute created favorable conditions for free scientific work by organizing a system of positions. Researchers could use the assistance of highly qualified support staff, were spared from mechanical labor and responsibility for technical processes, and had to deal only with science. The formal status of researchers at the Academy during the 1960s — 1980s steadily strengthened until the end of the Soviet era, in which they had the right to influence the election of the director of the institute at the general meeting of the collective, which has also contributed to democratization in the late 1980s. The inability to intervene in individual research processes made it difficult to get rid of vain employees and thus reduced the effectiveness of Soviet scientific institutions.

Keywords: science, scientists, research team, Research Institute, Academy of Sciences, USSR.

Author: Lapteva T. N. — PhD in History, Academic Secretary, Archive of the Russian Academy of Sciences; Assistant Professor, St. Tikhon's Orthodox University (Moscow, Russia); lapti-stv@yandex.ru

Archive of the Russian Academy of Sciences, 34, Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117218, Russia

St. Tikhon's Orthodox University, 23B, Novokuznetskaya ul., Moscow, 115184, Russia

References:

- Allakhverdyan A. G. *Dynamics of scientific personnel in Soviet and Russian science: comparative-historical research* (Moscow, 2014). (In Russian)
- Allakhverdyan A. G., Agamova N. S. 'Science of the USSR: science of science and the dynamics of scientific personnel in the post-war decades (1950 — 1980s)' in *Istoricheskoe mesto sovetskogo obshchestva: mat-ly vseros. nauch. konferencii* (Moscow, 2016). (In Russian)
- An A. V. 'From description to presentation (changing the principles of linguistic construction of the image of a scholar-philologist in Russian prose at the turn of the 20th — 21st centuries)', *Vestnik CMO MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika*, no. 4, 2010. (In Russian)
- Denisov Yu. P., Knysh N. A. 'The image of historical science (based on the analysis of the newspaper "Nauka i zhizn")', *Omskiy nauchnyi vestnik*, no. 1 (75), 2009. (In Russian)
- Eremeeva A. N. *Russian scientists in the conditions of social and political transformations of the XX century. Course of lectures* (St. Petersburg, 2006). (In Russian)
- Kirsky E. 'Parallel Worlds', *Otechestvennye zapiski*, no. 7, 2002. (In Russian)
- Petrov M. K. 'Images of science and scientist in the public mind', *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 13, no. 3, 2007. (In Russian)
- Schneider C. M. *Research and Development Management: From the Soviet Union to Russia* (Heidelberg, 1994). *Scientific and technical revolution and changes in the structure of scientific personnel of the USSR*, ed. by Gvishiani D. M., Mikulinsky S. R., Kugel S. A. (Moscow, 1973). (In Russian)
- Sidorova E. M. 'Intellectual growth and social status of a scientist' in *Nauchnye kadry SSSR: dinamika i struktura* (Moscow, 1991). (In Russian)
- Yurevich A. V. *Clever but poor: scientists in modern Russia* (Moscow, 1998). (In Russian)

Received: July 19, 2020

Accepted: September 6, 2021